«У детей стресс, многие сильно травмированы»

Волонтер Елена Альшанская о том, как в России идет реформа сиротских учреждений

lenta.ru, 16 августа 2016 года

В Иркутской области расследуют смерть четырех воспитанниц Черемховского психоневрологического интерната. Погибшие девочки в числе других 24 детей были госпитализированы из-за вспышки кишечной инфекции в казенном учреждении. Сотрудников интерната подозревают в халатности. Уже год в России идет реформа сиротских заведений, задача которой — добиться, чтобы в стране не осталось мест, подобных черемховскому интернату, а содержание детей в приютах стало бы временным. Однако правозащитники говорят, что процесс буксует. О том, что на самом деле происходит в детских домах, «Ленте.ру» рассказала инициатор реформы, руководитель благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» Елена Альшанская.

«Лента.ру»: Судя по последним событиям, за год реформы положение не очень-то изменилось.

Альшанская: За год невозможно построить город-сад. Но есть подвижки. В этом году в Москве воспитанники некоторых детских домов и интернатов впервые пошли в школу, а дети из домов ребенка впервые пошли в детский сад. Со стороны вроде бы мелочь, но этого раньше не было. Обычно маленькие дети живут в доме ребенка как в изолированной среде. Они не видят ни других детей, ни других взрослых. Не отходя от койки, тут же — учеба, прогулки. Ну, может, раз в год свозят их в зоопарк. И никому это не казалось странным, что ребенок живет вообще вне общества. А ведь это влияет не только на социализацию детей. Когда ребенок круглосуточно живет в сиротском учреждении, это чудовищно выматывает работающих с ним взрослых.

«Лента.ру»: Так они поэтому распускают руки? В СМИ регулярно появляются истории об издевательствах в детдомах.

Альшанская: К сожалению, в закрытых сиротских учреждениях насилие часто становится естественным. Представьте, что в изолированной среде одновременно 100-200 детей, потерявших родителей. У всех у них стресс, многие сильно

травмированы, кто-то злится, кто-то тоскует. А задача воспитателей — заставить их подчиняться рутинным правилам: умывание, завтрак, занятия, танцы, ужин, спать. У многих взрослых, кроме насилия, других инструментов нет. Справиться с этим можно, например, разделив воспитанников на небольшие группы и закрепив за каждой постоянный состав воспитателей и нянечек. Но важно, чтобы они понимали, что ни учеба, ни завтрак не могут быть самоцелью для ребенка, потерявшего семью.

«Лента.ру»: *Это и есть семейная форма проживания, на которую должны теперь ориентироваться детдома?*

Альшанская: Да. Вместо комнат на 15-20 воспитанников должны появиться «семейные» группы на 6-8 детей. Это такие мини-квартиры с кухнями, столовыми, спальнями, санузлами.

«Лента.ру»: *Они и готовить там будут?*

Альшанская: Должны. Но опять же встает вопрос мотивации. Директора детдомов не понимают, зачем им заморачиваться. А вдруг на кухне что случится? Вдруг кто-то обожжется, порежется или сгорят продукты? Потом еще и убирать. Даже если в «квартире» есть плита и холодильник, далеко не всегда там готовят. Взрослым это неудобно. Проще строим вести детей в общую столовую. В результате у ребенка формируется искаженное представление о мире. Если он из года в год видит, как еда выезжает по конвейеру в тарелках, почему мы удивляемся, что выпускники детдомов не знают, что макароны надо варить, а чай в чайнике не становится «коричневый и сладкий» сам по себе. Мы сами создаем ребенку искаженный мир, не приучаем к базовым вещам, а потом удивляемся, что у него сложности с социальной адаптацией. Его абсолютно в других условиях растили. Он к другому привык, никогда ничего не умел, не пробовал, не участвовал. Откуда в 18 лет, после выхода из детдома, все эти знания у него возьмутся? Это нереально.

«Лента.ру»: *Вы говорили, что коллектив «квартир», включая воспитателей, должен быть постоянным, так как семейная атмосфера не предполагает частой смены членов семьи. Такое возможно?*

Альшанская: Теперь это запрещено — переводить ребенка из учреждения в учреждение и из группы в группу. Я знаю, что во многих детдомах сотрудники не понимают, для чего все эти новшества. Они им кажутся лишними, формальными. Поэтому они решили: будем делать как раньше, а отчитываться по-другому. Мы однажды приехали в дом ребенка с проверкой. Спрашиваем: «Сколько у вас переводов?» Отвечают, что у них этого уже нет. Куда пришел ребенок — там он и

находится. Заходим в группу. Наш психолог видит девочку лет двух, которая сидит в депрессивной, закрытой позе. Ни с кем не коммуницирует, ни на что не реагирует. **«Лента.ру»:** Аутизма нет. Воспитатели говорят, что у девочки такой характер — необщительный. Она сама в себе, не улыбается, только время от времени долбит пол игрушкой. Пытаемся понять, что произошло. Может, ее только что привезли? Но говорят, что ребенок уже год в детдоме. Потом признаются, что неделю назад девочку перевели из младшей группы.

Альшанская: Психолог попросила привести воспитателя, который был с самого начала с этим ребенком. Девочка, когда увидела ее, вскочила к ней на руки, вцепилась и начала рыдать. Персонал, которому раньше все эти запреты казались необоснованными, увидел, к чему это приводит. Для ребенка это трагедия. Только он начинает к чему-то привыкать — его на новое место. Потому что администрации опять же так удобно — в учреждении каждый воспитатель специализируется на определенном возрасте. А о ребенке никто не думает. У него просто не формируется чувство привязанности. В его жизни нет одного значимого взрослого.

«Лента.ру»: Резонный вопрос: кто будет оплачивать превращение детдомов в «квартирники»?

Альшанская: К сожалению, федерального финансирования нет. Регионы должны сами найти средства. С одной стороны, на тот же капремонт денег нужно много. И вроде бы в условиях кризиса это нереально. Но тут опять же встает вопрос — как подходить к этой истории. Наши коллеги из Болгарии и Румынии рассказывали, что провели реформу, не потратив ни копейки дополнительных денег — то есть обошлись средствами, которые всегда выделялись на содержание сиротских учреждений. Они просто изменили структуру финансирования. И у нас при правильном подходе все получится.

«Лента.ру»: В чем, например, должен быть правильный подход?

Альшанская: Сейчас в хорошем учреждении взрослых в два раза больше, чем детей. Но этот персонал «размазан» по всему учреждению: два стоматолога, десять сменных банщиц, двенадцать буфетчиц... Понятно, что если вы начнете готовить в группе, буфетчицы вам уже не нужны. Причем увольнять-то их не нужно, достаточно просто изменить структуру штатного расписания и пересмотреть обязанности. Нянечки в детдомах всегда нужны.

«Лента.ру»: Главная задача детдома теперь — устроить сироту в семью. Но детские учреждения сейчас финансируются по подушевому принципу: чем больше детей — тем больше денег. Получается, им невыгодно расставаться с

сиротами?

Альшанская: Если эту систему не поменять, реформа действительно может остаться на бумаге. Это опасно. Недавно Контрольно-ревизионное управление (КРУ) проверило детский дом в Москве. Он уже реформировался и работал по-новому. Дети размещались по квартирному принципу. В группе — постоянный штат воспитателей. Шла активная работа по семейному устройству детей. В группе, где изначально было восемь воспитанников, на момент проверки осталось двое. Остальных разобрали в семьи. И это чудесное КРУ выписывает учреждению огромный штраф и говорит, что они должны были в этой ситуации сократить воспитательницу и объединить оставшихся детей с другими группами. То есть учреждению нет резона устраивать детей в семьи, а если и устраивать — то оставшихся нужно постоянно переводить, «тасовать» как карты, погружая в непрерывный стресс...

«Лента.ру»: *Левая рука не знает, что творит правая?*

Альшанская: Получается, что так. В этой ситуации единственное, что помогает учреждениям держаться на плаву, — менять содержание работы. Например, помогать тем же кровным семьям и работать с приемными, чтобы дополнительными услугами сохранять финансирование на прежнем уровне.

«Лента.ру»: *На психоневрологические интернаты эта реформа распространяется?*

Альшанская: Конечно. Но именно в детских домах-интернатах для детей с интеллектуальными нарушениями мы сталкиваемся с самыми большими проблемами. В первую очередь потому, что это огромные комбинаты на 100-600 детей, с коридорной системой, и их проще закрыть, чем перестроить. Однако самое главное, что в таких «монстрах» от 30 до 80 процентов детей — вовсе не сироты. У них есть родители.

«Лента.ру»: *Они лишены родительских прав?*

Альшанская: Далеко не всегда. Ситуации разные. Самая банальная история — родитель остается один, идет в соцзащиту с просьбой помочь. А там ему говорят: «А давайте вы на полгодика в детдом ребенка отдадите, а сами пока устроитесь». Но кардинально для самого родителя за эти полгода вряд ли что поменяется. Родитель отвыкает от ребенка, понимает, что без него проще. И чем дольше в детдоме находится ребенок, тем вероятнее, что он там останется навсегда. Про детей с особыми потребностями — отдельная история. Ребенка с тяжелыми нарушениями

также предлагают поместить в интернат — это предоставляемая государством социальная услуга. Но при этом даже на выходные не предлагают его забрать в семью. Заберут ли они его домой в 18 лет? Вряд ли. Скорее всего, он отправится в психоневрологический интернат для взрослых.

«Лента.ру»: Но это объективная реальность: одинокий родитель не в силах одновременно ухаживать за ребенком-инвалидом и зарабатывать на его содержание.

Альшанская: Значит, надо развивать систему услуг для семей с детьми-инвалидами. Это и доступное образование, и присмотр, чтобы в школу и детсад без проблем можно было устроить любого ребенка, или в инклюзивный класс, или в коррекционный, но рядом с домом, а не за тридевять земель. И доступные услуги реабилитации, и пресловутая доступная среда, и возможность «передышки» для таких семей — чтобы ребенка можно было хотя бы раз в году оставить на короткий срок в специальном учреждении или в приемной семье, а родители в это время могли бы съездить в отпуск. Это и материальные пособия. В конечном счете для государства это все равно дешевле, чем содержать целую сеть детских приютов, подготавливая там контингент для взрослых домов инвалидов.

«Лента.ру»: Хотя что-то делается в этом направлении?

Альшанская: Да, но очень медленно. Развиваются дневные центры, но этого недостаточно для реального удовлетворения спроса. Мы недавно были в Санкт-Петербурге, там пять домов-интернатов для инвалидов. На пятидневку детей принимает только один. Все остальные — только на постоянное проживание от полугода. Когда мы попытались выяснить, почему, нам сначала ответили, что нет спроса на услугу. Но это не так. Мы связались с общественными организациями, в которых нам сказали, что родители пытались оставить детей на пятидневку, однако им отказали. Более того, сотрудники детдомов им объясняют, что для ребенка лучше, если его оттуда не будут забирать, иначе каждый раз, расставаясь с родителями, он будет расстраиваться, плакать. И родители верят, что так и правда лучше для ребенка, что жить в отрыве от семьи — благо для ребенка.

«Лента.ру»: Можно хотя бы приблизительно сказать, сколько времени займет превращение наших детских домов и интернатов в цивилизованные учреждения?

Альшанская: В среднем регионы отводят на переходный период два-четыре года. У нас нет иллюзий, что кто-то взмахнет волшебной палочкой — и наступит другая реальность. По итогам нашей последней проверки большинство учреждений пока

не провели кардинальных изменений в работе, однако все они приняли как факт, что меняться придется, и морально готовы к этому. Я знаю только одного директора детдома, который возмущался и надеялся, что реформу отменят. Другие считают, что все правильно. Только они не знают, как это сделать без денег и пошаговых инструкций. Значит, будем помогать им меняться. ●